

СЕРГЕЙ
Зверев

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК
БАСТИОН

ДРУГИЕ
БОЕВЫЕ СТАЛКЕРЫ

Бастион

Сергей Зверев

Другие. Боевые сталкеры

«ЭКСМО»

2013

Зверев С. И.

Другие. Боевые сталкеры / С. И. Зверев — «Эксмо»,
2013 — (Бастион)

Скрываясь от правосудия в Другой Чечне, параллельном мире, в который можно попасть только через Тоннель Времени близ села Ведено, предатель полковник Ждан случайно «проваливается» в советское прошлое – в 1959 год. Следом за ним отправляются спецназовцы майора Стольников, которым приказано во что бы то ни стало найти и уничтожить полковника. Ждан понимает, что уйти от элитных бойцов не получится, и ему в голову приходит коварный и хитроумный план. Он решает убить отца Стольникова, здесь, в прошлом. Тогда майор спецназа не родится, и преследовать его будет некому...

© Зверев С. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Зверев

Другие. Боевые сталкеры

Предисловие

На рассвете девятнадцатого мая одна тысяча восемьсот двадцать третьего года первая рота Черданского полка Кавказского корпуса генерала Ермолова вышла из крепости Грозная по направлению к селению Кайзехи. В районе Ведено она в полном составе исчезла, и поиски ее ни к чему не привели. Свидетелем того, что она вообще существовала, был рядовой Сажин, на марше отставший и не оказавшийся с ротой в момент ее исчезновения. Вернувшись в крепость Грозная, он доложил командованию о случившемся, но его предпочли счесть за сумасшедшего и отправить в тыл.

Спустя сто семьдесят семь лет командование оперативной бригады особого назначения, дислоцирующейся в Грозном, получает информацию осведомителя о перемещении под Ведено группы подозрительных лиц в ночное время. Проверить это сообщение приказано командиру отдельного разведывательного взвода с одним отделением. Однако в тот момент, когда вертолет с разведчиками на борту подлетает к Ведено, его сбивают с земли переносным ракетным комплексом «Игла»...

Падая, вертолет разбивается и загорается, но небольшая высота позволила разведчикам выжить и даже спасти одного члена экипажа – штурмана старшего лейтенанта Пловцова. Преследуемые бандой полевого командира Алхоева, спланировавшего и организовавшего это нападение, отделение спускается по холму, оказывается на равнине и попадает в окружение. Случайное обнаружение странной пещеры позволяет командиру разведвзвода капитану Стольникову принять решение завести людей в катакомбы. Очень скоро он понимает, что коридорам под землей несть числа и им всем грозит смерть от голода и безумия. После долгих часов поисков группа видит на стене надпись старорусским алфавитом: БОГЪ ОСТАВИЛЪ НАСЪ, и Стольников понимает, что часы их существования сочтены.

Уже отчаявшись, разведчики выходят к водному тоннелю, ведущему из лабиринта. Все они благополучно выбираются через него на свет, и штурман Пловцов, и сам капитан Стольников начинают замечать неладное: знающие карту этой местности, да и вообще исколесившие всю Чечню – один по земле, другой по воздуху, они не узнают этих мест.

Полевой командир Алхоев и войсковой разведчик Стольников охотятся друг за другом не первый год. С тех пор, как капитан жестоко оскорбил брата Алхоева, контролирующей территорию Ведено бандит поклялся уничтожить русского разведчика лично. В то же время ему самому приходится быть осторожным, поскольку капитан Стольников дал себе похожую клятву. Выбравшись из лабиринта, Стольников отдает приказ основной части бойцов находиться у водопада с ранеными, оставшихся он разделил и отправил в разведку местности, одну из групп возглавив лично.

В ходе разведки Стольников убеждается, что территория, где он оказался с бойцами, – не зона эксперимента по выживанию, не параллельный мир, не галлюциногенный бред, а всего лишь неизвестная ученым и федеральным властям часть Чечни. Он выходит на домик, похожий на сторожку, и обнаруживает в ней автомат и обыкновенный навигатор. Позабывшие вещи должны вернуться, и Стольников встречает их в засаде. В перестрелке бандиты погибают, однако прапорщик Жулин, находившийся в группе поиска, возвращается раненый и со странной вестью – один из бойцов взвода на его глазах похищен людьми, одетыми в холщовые домо-тканые одежды.

Стольников отдает прапорщику навигатор с приказом донести его до радиста группы, а сам отправляется на поиски. Вскоре вынужден вступить в бой, в рукопашной схватке его берут в плен, и он оказывается в руках Алхоева. Бандит, давно вынашивающий кровную месть, убил бы капитана, он давно мечтал об этом, и единственное, что не позволяет ему расправиться с разведчиком, – навигатор. Алхоев почему-то ставит прибор выше кровной мести. После отчаянной схватки Стольникову удается бежать, и он воссоединяется с группой. Преследуемая боевиками Алхоева, после ожесточенных перестрелок группа выходит к крепости, похожей на средневековую, и капитан предлагает ее защитникам укрыть их от общего врага. Нехотя неизвестные выполняют просьбу разведчика.

Крепость осаждена людьми полевого командира, а Стольников требует у человека, назвавшегося атаманом, руководителем города, объяснений. Что это за территория? кто такие люди в крепости? – вот вопросы, которые интересуют разведчиков. Рассказ Трофима, старшего в крепости, позволяет Стольникову и его подчиненным сделать невероятное открытие: люди в крепости – потомки заблудившихся сто семьдесят семь лет назад офицеров и солдат первой роты Черданского полка армии генерала Ермолова. Однако вместе с годами сменились нравы, традиции и убеждения, и Стольников вместо доброжелательности видит к себе и своим подчиненным, близким к жителям города по крови, неприязнь и даже враждебность. Трофима и его приближенных не устраивает присутствие русских воинов в городе. Он боится навлечь на себя гнев Магомеда Кровавого – Алхоева, который, как выясняется, хозяйничает на этой территории уже много лет.

И Стольников принимает решение. Он в одиночку пробивается через кольцо осады крепости и выходит к тому месту, которое является воротами в известную ему Чечню. В одиночку ночью легче двигаться. Он выйдет к своим и вернется вместе с подразделениями бригады. Его информация ценна – помимо новой территории, он несет сведения и о странном заводе, предприятии, которое Алхоев организовал вдалеке от города.

Обессиленный, он проходит лабиринт при помощи навигатора и оказывается в руках подразделения федеральных сил в тот момент, когда атаман города Трофим приказывает своим приближенным убить оставшихся в крепости старшего лейтенанта Пловцова и прапорщика Жулина, а бойцов разоружить и пленить. Городу нужна свежая мужская кровь...

Ни Стольников, ни оставшиеся в крепости разведчики еще не знают, с какими страшными людьми и с какими страшными событиями им предстоит встретиться. Для Стольникова и его группы война только началась...

Возвратившись, Стольников выводит группу из Другой Чечни и в момент прощания предупреждает, что бойцы должны разъехаться в разные части света и никогда более не встречаться, если им дорога жизнь. Но в случае, если кому-то понадобится помощь друзей, он объявляет условный сигнал для общего сбора. Все покидают Чечню и разъезжаются в разные стороны. И только один из них – лейтенант Ждан, сын генерала из Москвы, – стремясь к карьерному росту, остается служить. Через одиннадцать лет он уже полковник и заместитель генерала Зубова, бывшего командира бригады.

Зубов выходит на Стольникова, встречается с ним в Турции и сообщает, что его дочь находится в плену боевиков, в тюрьме «Мираж», расположенной в Другой Чечне. Он – начальник этой тюрьмы. Зубов просит Стольникова собрать группу и спасти дочь, что Стольников и делает. Вскоре выясняется, что Ждан своими успехами в службе обязан прежде всего не выдающимся заслугам, а Аль-Каиде, человеком которой является. Цель Ждана – поиск священного Источника, расположенного в Другой Чечне. И все время и средства он тратит на это. Волею судеб Стольников и его группа вынуждены снова вернуться в Другую Чечню и начать охоту уже за Жданом. Но полковник, спасаясь от возмездия, уходит в горы, к Мертвому Городу, где случайно оказывается в коридоре времени и попадает в 1959 год. Группа Стольникова следует за ним в пятьдесят девятый.

Никто не знает, что случится теперь...

Глава 1

Мысль, что он недавно жил и действовал в прошлом веке, в тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, мешала Ждану сосредоточиться. Он понимал всем своим существом, что это невозможно – так не бывает. Что нарушены законы физики и времени – понимал. Склонялся снова к тому, что его разыграли. Сжимался от мысли, чем этот розыгрыш закончился, и снова и снова возвращался памятью к палатке, поставленной у костра. Он видел на фото деда лицо Дятлова. И готов был сейчас поклясться, что именно это лицо он видел несколько часов назад. Одежда туристов, продукты, газета – все указывало на пятьдесят девятый год. Если это розыгрыш, то режиссер этого розыгрыша сильно постарался. Только где этот режиссер в таком случае?

Документов не было. Взрывы уничтожили и удостоверение, и телефон спутниковой связи. Что-то удалось подобрать, но от военной одежды Ждан избавился решительно. Лишь сунул в рюкзак одного из туристов свои кроссовки. За пояс уложил пистолет, с тем и направился на поиск обжитых мест. Даже если речь идет о десяти, пятнадцати километрах пути – страха полковник не испытывал. Главное – добраться до какого-нибудь селения и понять, где он, в конце концов, находится на самом деле. Речь не о названии населенных пунктов. Речь – о времени.

И все-таки, думал Ждан, это невозможно. – «Пятьдесят девятый... Это ирреально. Противостоит естественности и антинаучно. Об этом не может быть и речи».

Удостоверившись, в конце концов, в том, что стал нечаянным участником какого-то дешевого спектакля, который устроили уделанные наркотой туристы (один из которых похож на Дятлова).

«Туда им и дорога. Трупы найдут, выяснят, что с таким количеством наркотиков в крови они могли и Саяно-Шушенскую ГЭС раскрутить отвертками, и успокоятся. Люди, отправляющиеся в поход с наркотой, вполне могут и гранаты прихватить. Несчастный случай», – решил Ждан и успокоился.

Через два часа, спускаясь с высоты, он увидел дорогу. Она пролежала меж двумя высотами, как везде в горных районах Чечни. Издали он даже заметил автомобиль, своим движением поднимающий облако пыли... Но рассмотреть марку авто не представилось возможным – слишком высоко и далеко.

Через полчаса он спустился к трассе. Теперь она была от него на расстоянии ста метров. Решив на всякий случай не лезть с открытым забралом на дорогу, Ждан сел под дерево, стащил рюкзак с плеч и сунул в рот сигарету.

Первым проехал грузовик весьма странного вида – такой Ждан видел только в кино – полупортка или что-то в этом роде.

Через четверть часа в обратном Цой-Педе направлении проехал старенький зеленый «Москвич».

– Ерунда какая-то, – пробормотал Ждан. – Это же не Куба. Где они столько раритетов нашли?

А через двадцать минут показалась белая «Победа».

– Ничего не понимаю, – проговорил Ждан, выплевывая окурочек. – А где «Жигули», иномарки, «Газели»?

Он сидел в тени дерева до полудня. Мимо проехало около десятка автомобилей. И каждый из них был старше Ждана лет на сорок. Полковник почувствовал, как внутрь заползает неприятное чувство опасности, а спина покрывается потом.

– Жарко, – чтобы успокоить себя, проговорил он без особой нужды.

Да, было жарко. Но не настолько, чтобы снимать спортивную куртку.

Послышался гул мотора, и Ждан вперил взгляд в ту точку меж двух сосен на обочине, где последние два часа рассматривал проезжавшие мимо машины.

Это был грузовой «ЯГ». Протрещав движком и подняв пыль, он промчался в северном направлении.

«Это бред какой-то...»

Ждан надел куртку, накинул одну лямку рюкзака на плечо и стал спускаться на дорогу.

«Согласись: тебя разыграли?» – спросил он сам себя.

И тут же нашел ответ. Нет, все это слишком дорого, во-первых, и кто он такой, чтобы тратить на него столько средств для розыгрыша, – во-вторых? Ждан – не звезда киноэкрана, не шоумен, чего его вдруг разыгрывать не в день рождения, не первого апреля, а просто так? Во время войны со Стольниковым?

«Короче, я сейчас сяду в попутку, рвану до Владикавказа, оттуда на поезде или перекладных – в Минводы. А там до Москвы рукой подать. Улечу к чертовой матери в Германию или Голландию, отлежусь, а потом снова появлюсь в Чечне и найду Источник. Все».

Закончив размышлять, он спустился к дороге и поднял руку перед серой «Победой».

Водитель сбавил скорость, остановился и глянул в открытое пассажирское окно:

– Салам, уважаемый! Куда едем?

– А ты куда, уважаемый? – в тон ему ответил полковник.

– В Шали! Да тут одна дорога! – и рассмеялся.

Ждан сел рядом и вытянул ноги, осмотрелся. «Победа» прекрасно сохранилась. Даже радио работало.

Полковник слышал последние аккорды на рояле и слова песни.

«Ну, слава богу, – подумал Ждан, успокаиваясь и чувствуя, как спадает напряжение. – Рей Чарльз...» Песня закончилась, и тут радио заговорило женским голосом:

«Вы слушали песню знаменитого чернокожего музыканта из Соединенных Штатов Америки Рея Чарльза. А сейчас, уважаемые радиослушатели, послушайте, пожалуйста, песню «Ландыши» на стихи поэтессы Ольги Фадеевой. Музыка композитора Оскара Фельцмана».

Ждан опешил. Голос женщины не напоминал голос диджея.

«Ты сегодня мне принес не букет из пышных роз, не тюльпаны и не лилии...»

– Что нового в мире? – чужим для себя голосом поинтересовался полковник. – А то мы, понимаешь, в горах на два месяца зависли... Одичали совсем.

Водитель пожал плечами:

– ВДНХ открыли.

– Опять?

– Э, что значит – опять?

– Была ВДНХ, стала – ВВЦ. Теперь снова ВДНХ?

Водитель снова пожал плечами:

– Американцы новую подводную лодку с ракетами на воду спустили. Звери.

«Это хорошо, – обмяк Ждан. – Все в порядке».

– Никита Никсону пообещал кузькину мать показать. Не знаю, анекдот или нет. Говорят, ботинком чуть стол не сломал.

Полковник напрягся и тяжело сглотнул. Чувство опустошения снова стало прокрадываться в него как топливная смесь термобарической гранаты.

– Еще что... нового?

– Наши египтянам проект Асуанской плотины передали.

У полковника потемнело в глазах.

– Твою мать...

– Э, зачем ругаешься, хорошо говори, – обиделся водитель.

– А что еще в стране происходит?

– В стране – не знаю, а вот в Америке, говорят, телевизионный приемник сделали. На этих, как их...

– Транзисторах, – почти шепотом подсказал Ждан.

– Точно! Ва, сразу видно ученого человека! Можно без линзы смотреть. – Водитель посерьезнел. – А вы что в горах делаете, дорогой? Туризм или обычаи записываете?

– Нефть ищем, – ответил Ждан первое, что пришло в голову. Опустошение вползло в него и вытеснило способность соображать.

Хозяин «Победы» расхохотался:

– Э, зачем ее искать? Ее здесь хоть залейся – за пятьсот лет не вычерпаешь!

– Мы ту ищем, на которой автобусы на Юпитер летать будут.

– Да ну?..

– Ага. Скоро будут набирать водителей.

– А я смогу водителем стать?

– Конечно. От каждой республики по три водителя.

– Ва... А жену кондуктором взять можно?

– Она у тебя невесомость хорошо переносит?

– Я спрошу.

– Спроси. Слушай, дорогой... – Ждан почесал подбородок. – А по этой дороге, если не сворачивать, в Грозный можно попасть?

– Конечно!

– Понятно. У тебя как с бензином?

– Полный бак. Э, я в Грозный не могу подбросить, товарищ! У меня дела в Шали. Вот поехали в Шали, посидим, хлеб покушаем, вина выпьем. У меня зять рыбу с Севера привез – муксун называется. Слышал?

– Слышал, – тяжело отозвался полковник.

– Рыбу испортить – одна минута. Масло, перец, петрушка... Руки бы оторвал. К рыбе, кроме алычовой приправы, ничего не надо! – И водитель, словно оглядев с гримасой неприязни остальные приправы, отбросил их в сторону рукой. – Поедем?

– Конечно. Только тормозни где-нибудь за леском, дружище. Воды напился, терпеть уже сил нет.

– Это мы сделаем, – согласился водитель и, заметив на горизонте подступающий к дороге лес, нажал на педаль акселератора. – Рыбы покушаем, очень интересно будет про Юпитер послушать.

– Обязательно расскажу...

У леска «Победа» остановилась, и Ждан, выйдя, стал обходить машину...

На милицейском посту скучали двое. Машин в этот день было много: за один только час прошли три на юг и две на север. За последние пятнадцать послевоенных лет люди стали обрастать машинами, как раньше обрастали домашней скотиной. И все лица – знакомые. Но хозяин серой «Победы» ехал здесь, по всей видимости, впервые. Обычно за триста метров местные сбрасывают скорость, чтобы поздороваться, рыбы сушеной передать, кураги или просто воды из домашнего колодца.

Этот же несся на всех парах и останавливаться, по-видимому, не собирался.

– Проверю его, – сказал старлей и направился к обочине.

Заметив на проезжей части фигуру в форме, водитель стал останавливаться.

Но из машины не вышел. Как-то не по-местному это выглядело. Выйти и пожать руку милиционеру здесь – святое дело. Но водитель продолжал сидеть за рулем и ждал, пока к нему подойдет инспектор.

– Куда спешим, товарищ автолюбитель?

– В Шали, – ответил Ждан. Он был спокоен, лишь пальцы на руле прыгнули пару раз. – Я могу ехать?

– Конечно. Только сначала документы предъявим.

Ждан подумал.

– А если я заплачу, ребята? Спешу – ужас! Сколько с меня?

Переодевшись в одежду водителя «Победы», полковник обнаружил в карманах тридцать пять рублей. Он никак не мог понять, много это или мало. Но готов был отдать все.

Он напрасно начал этот разговор. Это на самом деле был одна тысяча девятьсот пятьдесят девятый год. То время, когда милиционерам в горах денег еще не предлагали. Потому что не за что было предлагать. Ждан не понимал, как усложнил ситуацию. Как не понимал и того, что теперь его просто так, не удостоверившись в законопослушности, не отпустят.

– Сколько... Странный вопрос, дорогой. – Старший лейтенант поправил ремень. – Водительское удостоверение.

– Да я же ничего не сделал! Просто еду! Зачем останавливать? У брата сестра в Шали в больнице, рожают!

– А в пятидесяти километрах отсюда совершила побег банда заключенных. Обезоружила караул, убила восьмерых караульных и бежала. Откуда я знаю, что вы не из этой банды?

– Господи помилуй! Я из Грозного, ученый! Ребята, возьмите деньги, и я поехал, а?..

– Вы о людях, гражданин водитель, совершенно не думаете... Вам бы деньги только платить. А человечность, ее ведь, как говорится, не купишь...

Они работали вместе – старлей со старшиной – еще с тех незапамятных времен, когда первый был младшим лейтенантом, а он – младшим сержантом. Оба почти в один день вернулись с войны и теперь работали в ГАИ. Понимали друг друга с полуслова, с полужеста, а поэтому, когда старлей стал еще в начале разговора обращаться с водителем серой «Победы» так, как никогда не позволял себе обращаться с автовладельцами при нормальном течении службы, сержант отошел чуть вправо, чтобы перед ним был обзор «Победы», и сухо закашлялся. Услышав это, офицер стал просить пассажира выйти из машины.

– Да что с вами происходит? – пробормотал Ждан, снова погружая руки в карманы. – Деньги предложил, а вы все равно не хотите меня отпустить. Выпишите мне квитанцию тогда... что ли... Я же не могу, черт возьми, стоять здесь всю жизнь!

– Вы, товарищ автолюбитель, не кричите, – нахмурился старлей. – Не нарушайте. Время проверки не ограничено. Я вообще могу вас на три часа задержать.

Дверь клацнула и отъехала в сторону.

– Мы долго здесь стоять будем? В чем проблема, офицер?

Ждан вышел и, хищно сощурившись, вдруг резко повернул голову назад, на дорогу. Там, на горизонте, в самом конце длинной и белой дороги, показалась черная точка. На его лице сыграл желвак, и он опустил голову. Покрутил головой, словно обдумывая что-то, и во время этого жеста еще раз оценил расположение на дороге второго милиционера.

– Значит, не отпустите?

– Как? – вскинул руки старлей и упер в бока – правая рука случайно опустилась на белую кобуру. – Как без проверки? – повторил он еще громче, приоткрывая кобуру.

– Скверно, – сказал Ждан и вдруг оторвал взгляд от дороги и упер его в глаза офицера. – Очень скверно.

Правая пола его куртки выбросилась вперед, словно под натиском шквала ветра, из нее, взорвавшейся со звуком вскрываемого шампанского, вылетела пыль, и сержант, увидев эту картину, в первую секунду не понял, что коллега его обречен.

Пуля, вылетев из ствола пистолета в кармане Ждана, пробила подкладку, материю и с глухим стуком ударилась в ватную куртку офицера. Из отверстия в синей материи тотчас была выброшена, как гейзером, струя пыли, потом клочок ваты, а после и кровь.

Шагнув назад, старлей стал негнушиться от болевого шока пальцами лапоть кобуру, которую отечественный производитель сделал таким образом, чтобы достать быстро оружие не получалось даже в нормальных условиях, стал смотреть на водителя, уже подбирающего вынутый из кармана пистолет второй рукой... Нет, не изумленным взглядом. Взглядом сожаления, что не успел. Что не среагировал первым, хотя с первой фразы разговора увидел, что правая лапа пальто собеседника оттягивается сильнее, чем левая.

И пассажира в спортивной куртке, в каких ходят туристы и спортсмены, через стекло давно заметил, и то, как за все время разговора он не поднял рук выше пояса. И даже не пошевелился. Это невозможно, чтобы за несколько минут томительного ожидания в машине человек не почесал бы ухо, не ковырнулся в носу или просто не растер бы глаз. Но он все время сидел и держал руки внизу.

И только сейчас, когда опускался на колени, разглядел на шее пассажира черное пятно. То место, куда вошла, обжигая кожу, пуля от выстрела в упор...

Он не успевал даже вынуть из упрямой кобуры пистолет. Да и что толку было его выдергивать, если после этого нужно будет и предохранитель снять, и патрон в патронник загнать... Он не успеет сделать и половины этого. Он не успевал даже додумать эту мысль до конца.

Перед глазами офицера в тот момент, когда он услышал с обочины короткую очередь, снова появилось оружие. И с этого мгновения время для старлея начало останавливаться... Как в замедленном воспроизведении, он видел, как импортный пистолет в руке его – теперь это было ясно даже старлею – убийцы дернулся, вороненый затвор медленно, выбрасывая блестящую гильзу, поехал назад, и старлея снова ударило... И снова под сердце, туда, где в кармане куртки лежало уже насквозь пропитанное кровью служебное удостоверение... Он на мгновение закрыл глаза, а когда снова открыл их, перед ним стояло облако, похожее на верблюда...

Он вспомнил, как пятнадцать лет назад, устраиваясь после войны на работу в милицию, проходил психологический тест. И уже немолодая женщина сказала ему, сноровистому пареньку из войск связи: «Нарисуйте мне зверя невиданного» – и дала лист бумаги с карандашом. Много фронтовиков тогда погорело на отсутствии элементарной сообразительности. Кто рисовал драконов с пятью хвостами и десятью головами, кто микроба рисовал, думая, сколько щупалец ему нарисовать, чтобы он выглядел как можно невиданнее, а он, Саша Солейкин, нарисовал верблюда...

«Это же верблюд», – сказала психолог... А он ей заметил, что верблюдов с тремя горбами никто не видел, а потому это и есть самый настоящий зверь невиданный...

И вот сейчас этот трехгорбый верблюд, с каждой секундой перекашиваясь и меняясь в очертаниях, плыл над ним, и голове было холодно...

Сначала пропал слух.

Потом ощущение ног и рук. Онемели губы...

Чьи-то руки взяли его за затылок и уложили на что-то мягкое. Исчезло небо, и сразу пропало изображение.

Перед старлеем была полная темнота, и он успел сказать еще несколько слов:

– Верблюд... Я был тогда не прав... Я его видел сейчас... Значит... он существует...

Придя в себя, сержант сбросил с плеча «ППШ», и сделал это быстро, передернув затвор... О прицельной стрельбе не могло быть и речи – очередь из его автомата, резко пройдясь вдоль дороги, обвалила все четыре боковых стекла «Победы», в брызги разнесла левое боковое зеркало и вырвала лючок от бензобака.

Тот, что стрелял в его товарища, тут же вскинул обе руки вверх, и только это заставило сержанта чуть присесть, а потом и откатиться назад, под прикрытие кирпичной будки. Сколько пуль прошли по тому месту, где он только что стоял, подсчитать было трудно. Понятно было одно: стрелок из водителя был неплохой и, не совершив маневр, все пули попали бы в цель.

Очередь сержантского «ППШ» прозвучала, когда «Победа» взревела своим движком.

«Не может быть такого, чтобы я не попал в убийцу!..» – промелькнуло в голове сержанта. Он хотел убить! Он хотел, чтобы салон этой проклятой «Победы» стал скользким от горячих мозгов этого гада!..

– Саша! – кричал сержант, на непослушных ногах выходя из-за укрытия. – Саша, ты подожди, Саша...

Эх, повалиться бы на пахнущую выхлопными газами дорогу и улечься поудобнее!.. Короткими, по два патрона, больше не надо... Раз пять по два, как бы это сейчас пригодилось... Хоть одна, да вошла бы в покрывку. Через километр «Победа» стала бы приседать набок и вырывать руль из лап этого гада...

Сержант, выйдя наконец на дорогу, пошел к офицеру. Он шел, его ноги подламывались, он хотел, чтобы это был сон...

– Саша... – позвал он еще издали. – А Саша...

Автомат, который он продолжал волочить за ремень по асфальту, скреб дорогу. Потом на землю упал и ремень.

– Саш, ты это брось... Ты что?.. А свадьба моя как... Ты ж свидетель... Сорвать хочешь?

Он подломил ноги в коленях, взял офицера за затылок и аккуратно положил себе на колени. Потом подумал, дотянулся до шапки и стал ее надевать на голову старлея.

А потом стал потряхивать его, словно стараясь разбудить.

– Ты это, Саша... Держись... Ты силы береги... – Сержант не смотрел в лицо друга, он смотрел в небо. Над головой его, медленно переставляя копыта, брел трехгорбый верблюд. – Сроду не видел таких уродов... Сейчас мы тебя в больницу... там вылечат...

Глава 2

Его кто-то отрывал от старлея, отрывал настойчиво, но он упрямо держал офицера одной рукой за клапан кармана, разбухшего и пропитавшегося кровью, а второй намертво сжимал его воротник.

И все-таки их расцепили. Двое каких-то мужиков в странной пятнистой форме подняли старлея, отнесли на обочину.

Сержант встал, поднял «ППШ», направил в сторону исчезнувшей за поворотом «Победы» и опустошил магазин.

– Не нужно, – сказал кто-то, укладывая на автомат сильную руку. – Уже не достать.

Сержант дошел до будки, сел на ступеньку, посмотрел на кровавое пятно у самого края дороги и положил голову на руки. И заплакал.

Забрав у сержанта автомат, Стольников быстро отомкнул диск, посмотрел в его нутро и чертыхнулся. Хотел кинуть и то и другое себе под ноги, но потом, бросив последний взгляд на сержанта, передумал. В два шага приблизившись к «ЗИС-110», он бросил оружие на заднее сиденье.

Двигатель машины ревел, как разбуженный медведь. Гнаться на «ЗИСе» за «Победой» было занятием бесполезным. Вероятно, бензобак машины заправляли бензином, который изготавливался кустарным способом.

– Ты посмотри, а? – изумлялся он, глядя на Жулина. – Это когда же они начали бодягой машины заправлять? В пятидесятых – пожалуйста, в двухтысячном – пожалуйста! Ты понимаешь, с какого времени у них здесь нефть воруют?

В будке трещала радиостанция.

– Солейкин, Солейкин, почему не докладываете?..

Жулин прошел в будку и накиннул наушники себе на голову:

– Внимание! Срочно прибыть на этот пост! Здесь произошло боестолкновение. Есть убитый...

– Кто говорит?!

– Прапорщик Жулин.

– Какой прапорщик?

– Обыкновенный прапорщик! – рявкнул Жулин. – Вы что, о прапорщиках никогда не слышали?

– Олег! – крикнул Стольников, слушавший этот разговор. – Прапорщики появились в СССР в семьдесят втором году! Окстись, пока тебя безумным не посчитали!

«Мы будем через двадцать минут!» – раздалось опять где-то вне эфира.

– Значит, через двадцать минут нас здесь не будет, – решил Стольников. – Мамаев, заводи «ЗИС»! Думал на лимузине покататься, а этот хуже телеги!

– Они движок загадили, командир! А тачка-то прикольная!

– Конечно, прикольная! – отозвался Ключников. – Здесь вообще все прикольно! Может, на пару месяцев махнем в Кисловодск, оттянемся?

– Сейчас тебя оттянут по полной программе, – пообещал майор. – В машину! Ждан не мог далеко укатить!

Мамаев тронул автомобиль, и майор бросил последний взгляд на застывшую в неменяющейся позе фигуру милиционера. «Его брать с собой – хлопот не оберешься, – подумал он. – Вопросами замучает».

Транспортом группа обзавелась случайно. Но задолго до того, как выйти к селению, где ночевал начальник райотдела Цой-Педе, Стольникову и его бойцам пришлось пережить ощущения, похожие на те, что пережил Ждан.

Пройдя через комнату с сосудами в подземелье, они увидели лаз, ведущий в лес. Выйдя из него и продолжив путь, разведчики обнаружили странную картину. Их взору предстала завалившаяся палатка и глубокая воронка, какая образуется после попадания снаряда крупного калибра артиллерийского орудия.

Вскоре были найдены документы туристов, их личные вещи. Но самой удивительной находкой оказалось обожженное по краям удостоверение полковника Ждана. Еще не понимая, где они находятся, Стольников решил, что Ждан напоролся в лесу на лагерь боевиков, бежавших из тюрьмы «Мираж». Уцелел ли он – было неясно. Среди трупов его тело обнаружено не было. Но никто не гарантировал, что он не пленен и не уведен в неизвестном направлении.

Осматривая вещи, бойцы замечали странные факты. Куртки, обувь, брюки – эти вещи принадлежали другой эпохе. Попалась на глаза и газета, передовицу которой прочел Ждан.

– Пятьдесят девятый год, – хмыкнул майор. – Неплохо бумага сохранилась.

Двое наручных часов тоже выглядели странно. Такие выпускались около пятидесяти лет назад, но были новехоньки, словно только что из магазина.

– Ерунда какая-то происходит, командир, – озабоченно бормотал Жулин, ходя за Стольниковым по территории разрушенного бивака как на привязи. – Я не вижу ни одного предмета из нашего времени.

– Наверное, это не беглые зеки из «Миража», – предположил Ключников, – а старожилы из крепости. Те, кто отказался переселяться в Южный Стан. Новый поселок не обосновали – опасно, поэтому бродят как цыгане.

– Это версия выглядела бы правдоподобно, когда бы не сохранность найденных вещей, – возразил Стольников. – Старожилы могли натаскать предметов из Обычной Чечни в Другую. Но эти вещи старились бы вместе с ними.

К майору подошел Лоскутов:

– Саша, посмотри.

В руку майора лег советский паспорт.

– На имя какого-то Дорошенко.

– Где взял?

– На трупе.

Они отправились к телу туриста. Развернув паспорт и вытянув руку, Стольников посмотрел на лицо трупа. Фото совпадало по возрасту.

– И что это может значить? – выдавил он.

– Это может означать одно: что мы в пятьдесят каком-то году. Если верить газете – в пятьдесят девятом. Я понимаю, как глупо это звучит, но факты говорят сами за себя...

– Кто-нибудь ел консервы из крабов? – спросил Айдаров, рассматривая в руке банку. – Я впервые вижу такие консервы. Особенно консервы ордена Ленина консервного завода в городе Владивостоке. Кто-нибудь мне объяснит, что здесь произошло и происходит?

Стольников велел прочесать лес в радиусе ста метров. Результатом поиска явились: покоренная взрывом автоматическая винтовка «М16», несколько консервных банок, документы и батарея от телефона космической связи.

– Батарея – единственный предмет, который старше всех других лет на пятьдесят, – заключил Стольников. – Ну, еще винтовка может быть тех же лет, но очень уж она похожа на оружие «грузинов» из арсенала НИИ.

– И что будем делать?

– Мы будем идти дальше. Ждан здесь был. Значит, нужно поторопиться.

Наскоро перекусив найденными продуктами, группа стала спускаться с высоты. Они пересекли грунтовую дорогу, прошли по тому месту, где несколькими часами раньше сидел и размышлял у дороги Ждан, и продолжили спуск. Через полчаса, отойдя от трассы на три кило-

метра, Стольников вывел разведчиков на небольшое село. Станным было то, что у одного из домов стоял длинный лимузин «ЗИС-110».

– Если бы у нас была машина, мы могли бы выехать на трассу, – многозначительно произнес Мамаев. – Ждан вряд ли пойдет лесом. С его формами самый лучший способ удалиться от неприятностей – езда.

Приказав расположиться на опушке леса, Стольников велел Жулину оставить оружие и следовать за ним.

Они вошли в дом, где тучный кавказец вонзал зубы в баранью ногу.

– Вы кто, товарищи?

– Мы из милиции, – спокойно ответил майор.

– Это я из милиции, – возразил тучный чеченец. – Начальник райотдела Цой-Педе. Вы кто такие?

Стольников сказал, что они из московской милиции, и тут случилось то, чего он обособно опасался. Начальник сунул руку в карман и попросил документы. В это время в комнату вошла старушка в черном платке и поставила перед кавказцем стакан молока.

Стольникову пришлось изменить план.

– Документы в машине, на улице.

– Ну, пойдём, посмотрим, – согласился чеченец, разглядывая разведчиков. Стольников выглядел хотя и странно для пятидесят девятого года, но все-таки это была привычная взгляду одежда. Большие подозрения вызывал в чеченце, бывшем разведчике Великой Отечественной, Жулин. Пятнистая форма, в какую обычно рядят диверсантов, высокие ботинки на шнуровке. Все очень было похоже на маскировочный костюм военнослужащего НАТО. Хотя милиционер и не понимал, зачем НАТО понадобилось забрасывать в советский тыл своего солдата в форме, которая мгновенно вызывает подозрение, гостям чеченец уже не доверял.

И правильно делал, поскольку первое, что сделал прапорщик, когда все трое вышли из дома, – развернулся, перехватил погруженную в карман руку чеченца, подсек его и уложил на крыльцо.

– Послушайте, мы понимаем, что все выглядит странно и нелепо, – заговорил Стольников, вынимая сигареты. – Тем не менее вам придется нам поверить. Скажите, пожалуйста, какой на дворе год?

Чеченец выкатил круглые от ужаса глаза и посмотрел на майора снизу вверх:

– Вы кто такие? Враги?

– Нет, – решительно возразил Стольников. – Как бы странно все это ни звучало сейчас и учитывая обстоятельства, в которых вы находитесь... Мы – друзья. Так какой нынче год?

– Вы что, идиоты? – вскипел чеченец. – Пятьдесят девятый, разумеется! Перепились, сволочи!.. Да я вас!..

– Ну что ты нас, что? – поморщился Жулин. – Короче, где ключи от тачки?

– Какой тачки?

– От машины!

– В кармане.

Стольников сунул руку ему в карман брюк и вместе с ключами выудил оттуда «наган».

– В общем, так. Ты не обижайся, но некоторое время тебе придется посидеть с козами. – И Стольников кивнул прапорщику.

Тот довел хозяина дома до загона, ввел внутрь и усадил рядом с яслями. Срезал веревку, привязанную к перегородке между отделениями, и привязал чеченца к яслям.

– Я вас расстреляю к чертовой матери!.. Вы что, не понимаете, с кем имеете дело?

– Понимаем. Поэтому не вырубает. Просто закроем тебе рот, – по-отечески нежно возразил Жулин и затолкал в рот милиционеру кусок найденной в загоне тряпки. От той же веревки отрезал небольшой кусок и перевязал пленнику рот. – Ты посиди, дорогой.

– Ствол – вот он. – И Стольников, показав чеченцу «наган», уложил его в куриное гнездо. Вынул оттуда сырое яйцо, пробил о гвоздь дырочку и с удовольствием высосал. – Мы... советские люди. Мы – хорошие парни. Просто тебе нужно немного потерпеть. Иначе долго объяснять придется, старина. Пока.

Сев в машину, разведчики доехали до бойцов.

И теперь, осторожно переключившись со второй передачи на третью, Мамаев прислушался к работе двигателя. Кажется, машинка приработалась... И включил четвертую. Она пошла мощнее, выжимая из себя все, что можно выжать до того, как умный водитель переключится на последнюю, пятую. И Мамаев, доведя двигатель до критической точки, включил рычаг до упора вправо, а потом до упора вперед.

– До Ведено двести сорок километров, – подсчитывал Саша. – Около десятка съездов к населенным пунктам и два поста ГАИ. До Грозного мы не дотянем в любом случае. Быть того не может, чтобы люди на КПП, будучи предупрежденными, Ждана пропустили... – майор поискал глазами по консоли и потянулся к ней рукой. – Где-то он должен вильнуть хвостом. Обязательно должен.

Он включил радио.

Как много девушек хороших,
Как много ласковых имен...

– Утесов, – пробормотал Стольников, вытягивая ноги и закрывая глаза.

– Ты посмотри, – Айдаров кивнул на радио, – работает!

– А чего ему не работать? Это пятьдесят девятый год. Здесь все работает. И никакой бюрократии. Пенсии платят, и бутылка водки двадцать один рубль двадцать копеек...

– Всего?

– Это до хрущевской денежной реформы. А через два года бутылка будет стоить два рубля двенадцать копеек...

– Кажется, я хочу остаться здесь на пару лет.

– Как бы тебе здесь навсегда не остаться! – угрюмо бросил Баскаков.

У поворота с покореженным указателем «Войцеховка» Мамаев сбросил скорость и стал выискивать глазами свежий след торможения. Он видел такой у места расстрела гаишников полчаса назад. Машина тяжелая, скорость большая. Ждан торопится и теперь знает, что до Грозного его будут встречать не один раз. А потому тормозить будет резко и сворачивать так же в запале. Ему не до соображений о том, что после таких маневров остаются весьма четкие визуальные следы.

– Он обязательно свернет, – рассматривая дорогу, повторил вслух мысль Мамаева Стольников. – Только бы не проглядеть... Войцеховка – мимо. Обочина чистая, сразу после поворота – ровная пыль. «Победа» тут же оставила бы четкие следы. Но их нет, а между нами и Жданом нет ни одной машины.

Встречная появилась через десять минут – старенькая копия «Опеля Кадет»: «Москвич» цвета начинающей подгнивать на земле опавшей березовой листвы – желтый, грязный, со следами зубов ржи на каждом изгибе кузова.

– Тормози его! – приказал Саша.

Мамаев выехал на встречу и нажал рукой на сигнал. Водитель прижал «Москвич» к обочине, едва не завалив машину на бок.

– Багажник открой, живо! – Выскакивая из машины, Стольников оставил дверь открытой. Через несколько секунд на дорогу высыпали бойцы.

Размеры людей, одетых в военную форму, на щуплого горца в кепке произвели гораздо большее впечатление, чем невиданное оружие в их руках.

– Я не сам!.. – заверещал мужик и замахал перед лицом майора руками, как сигнальными флажками. – Это он, товарищ милиция, это он!..

Стольников был прав в своем предчувствии. Он словно ожидал увидеть то, что увидел.

Когда крышка со скрипом поднялась и мужик, продолжая орать как блаженный, отскочил в сторону, для майора перестали существовать все цвета, кроме черного и красного.

Среднего роста мужчина с перекошенной в смертной гримасе маской лежал в позе эмбриона, поджимая к животу руки и окровавленные ноги. Он был черен волосами, одет в черные брюки, серый пиджак и рубашку. Лицо его, залитое от макушки до подбородка кровью, горело на этом фоне, как гвоздика в петлице смокинга дворцового Ее Величества. Макушки как таковой не было. Видимо, сержантик все-таки успел пару раз провести автоматом в направлении Ждана – одна из его пуль сорвала верх черепа захваченного полковником водителя. Она же и избавила этого человека от необходимости платить за жилье или копить деньги для хаджа. Последнее наиболее верно, так как очень уж черноволос и жестковолос был тот, определить народность которого теперь было невозможно.

– Где ты их встретил?

– Я здесь ни при чем!.. – запел обычную песню посеревший от предчувствия недоброго мужичок. – Я ехал...

– Где ты их встретил?! Отвечать!..

– У Гурьяново, в десяти верстах отсюда!.. Я не хотел, а он... – Он показал на простреленное в центре сиденье. – Отвези, говорит, и сбрось на обочину между поселками!

Ни слова более не говоря, майор отошел на два шага назад и тремя выстрелами пробил колеса. После каждого мужик приседал, кричал: «Не надо, я не сам!» – и закрывал голову руками.

– Стоять здесь. Ждать милицию. Труп не трогать.

Хлопнув дверью, он сел на место, и когда бойцы поспешили вслед за ним и «ЗИС» присел от тяжести, Мамаев включил передачу.

«Хой-Мартан» – значилось на указателе и цифра – «2».

Два широких следа из десятка борозд, пересекающихся друг с другом при крутом сворачивании и раздваивающихся в критической точке поворота, краткие показания перепуганного мужика – все это прямо и бесспорно указывало на то, что именно в эту гавань решил войти Ждан.

Больше всего Стольников любил беседовать с деревенскими жителями. Это лучшие из свидетелей: лишнего никогда не скажут – не в их правилах, врать не станут, да и память у них у всех на свежем воздухе отменная. Наслаждение, а не работа. Особенно при таких-то приметах... Правда, Кавказ есть Кавказ: соврут – дорого не возьмут. Зато всегда видно, когда они это делают.

– Да, это Кавказ, – усмехнулся Стольников.

– Что? – не понял Жулин.

– Ничего, это я так...

Особых примет у авто Ждана столько, что, даже не зная модели и цвета, любой не только здесь, а даже в Москве указал бы направление сразу, едва услышав вопрос: «А куда поехала «Победа»?» Стекла выбиты, салон в кубиках стекла, зеркало срезано очередью из «ППШ» – осколки его Стольников видел на дороге. И, наверное, двери прошиты. Очень много странных особых примет для места, до которого война не дошла.

Промелькнули удивительно ухоженный загон для скота, пара сараев, не столь удивительных, десяток прямоугольных стогов сена размером с добрые трехэтажки, и начались первые дома...

Глава 3

След приевшихся взгляду колес исчез уже давно, он смешался с дорожной кашей, изготовленной десятками подвоов и тракторов. «ЗИСы» здесь в диковинку. Даже этот, поезженный и хорошо помятый, – и то неожиданность. Старики, опершись на вилы и лопаты, внимательно смотрят, пытаясь выяснить, по чью душу прибыли высокие гости на лимузине. Потом скучают и принимаются за свои дела – скорее всего, кажется им, приехал кто-то к знакомым или родным порыбачить или просто попариться в баньке. Вот только к кому? И как только этот вопрос становится продуктом традиционно медленного соображения, головы поднимаются вновь: к кому, действительно? Мужики, идущие в гараж МТС, не оглядываются. Им не до лимузинов, трактора бы отремонтировать.

«ЗИС» проехал все село. Мамаев пытался найти объездной путь, но в результате заблудился и снова выехал на единственную в Гурьяново, центральную улицу. Имени Ленина (на некоторых табличках видно старое название – «Сталина»). Если в деревне и есть одна улица, то она обязательно будет Ленина. Бывшая Сталина. Чья же еще?

У большого по меркам этого села дома с красной крышей и мужиком во дворе «ЗИС» остановился, и Стольников, оставив оружие в машине, вышел.

Поступь его осторожна, взгляд остер, движения расчетливы.

– А что, дед, – сдержанно окликает он уже давно прикованного к нему вниманием хозяина, – новости в деревне есть?

Хозяин-кавказец деловито перекидывает лопату, перепачканную навозом, в левую руку и сует в рот «беломорину». Потом кивает головой – власть в деревне чтут – и только после этого отвечает:

– Добрыдень.

– Как с новостями в деревне, говорю? – повторил Стольников.

– А какие в деревне новости? – испытывая терпение гостя, вежливо возражает хозяин, мужик на вид лет пятидесяти пяти. Пока неизвестно, кто есть кто, ответы мужика будут ни о чем. Стольников это знал. – Воды в колонках опять нет, а председателю насрать на то. Он дочь замуж выдает.

– Что, так в понедельник и выдает? Не может до пятницы подождать? Бойтся к посевной не успеть?

Шутка хозяину нравится. Он показывает гостю редкий частокол из желтых, как сигаретные фильтры, зубов и отрицательно качает головой:

– А он в пятницу и начал. Ноне продолжение. В клубе четвертый день пьют. И ночью тоже.

Говорит кавказец как русский мужик с Тамбовщины.

– А-а. Гости-то добрые приглашены?

– А то, – закидывает подбородок вверх мужик. – Пятьдесят человек.

«Скверно, – с досадой подумал Саша. – В такой кавалькаде могли и не заметить нашего красавца...»

– А сейчас к клубу никто не проезжал?

Мужик чешет затылок, сдвинув шапку, и возвращает кожаный головной убор в исходное положение.

– К клубу нет. А вот к Поверкину какой-то на «Победе» завернул. Цветом на твою похожа. – И, переложив снова перепачканную лопату из руки в руку, мужик указал на «ЗИС».

– Черная «Победа»? – уточнил майор.

– Зачем черная, вот горе-голова?.. – огорчился сельчанин и снова показал на транспорт руководителя райкома. – Я же говорю, как у тебя!

– А она у меня что, не черная, что ли? – рассердился Стольников, уже прикидывая, как это он, проехав всю деревню, не заметил «Победы».

– Черная! – закричал, как недоумок, мужик. – Только у тебя она вся черная, а у него понизу!

Мужик вышел из себя, в планы Стольникова это не входило.

– Ну ладно, ладно, – улыбнулся он, простреливая взглядом весь двор и улицу за ним. – А что, этот Поверкин в том доме живет, с крышей из шифера?

– Чудак-человек, ей-богу, – уже смирившись с тем, что приезжий идиот, заговорил мужик. – Поверкиным у нас пруд именуется, вон там, – он показал, – за селом. Туда он и поехал, черный, как фонарь под глазом. Опустил все стекла, красуется, буржуй... Там дорога объездная, на Крохаль.

Разговор состоялся. Развернувшись, Стольников сжал челюсти так, что хрустнули зубы, и пошел к машине. Проезжая десять минут назад по деревне, он видел холм, закрывающий перед ним горизонт, он видел дорогу, уходящую за него, но не предполагал, что машина двинется именно туда. Там нет деревни, там чистое поле, заканчивающееся через несколько километров лесом. Теперь выяснялось, что дорога ведет не к ферме, то есть в тупик, а к объездному пути, который может выходить на магистраль до Грозного совершенно с неожиданной, ведущей в столицу трассы. Направления, они все на карте, и их не минуешь. Но сколько вот таких дорог без маркировки и федерального обозначения!

– Это что за придурок? – спросил Жулин.

– Где?

– С которым ты разговаривал. Лично я ничего не понял.

– С людьми нужно чаще общаться, товарищ прапорщик. Тогда научишься понимать.

Через пять минут они стояли и курили, жадно втягивая смолу и никотин в тех пропорциях, что указаны на их пачках. Дорога уходила в лес. Она укатана, но неизвестно, что ожидает их в этом лесу. Могло случиться так, что, углубившись в него на десяток километров, машина могла сесть. Хорошо, если сядет «Победа». А если сядет «ЗИС»? Или просто упрется в поваленное Жданом дерево – и те же десять километров придется пятиться обратно... Такую поездку коробка передач не выдержит.

У Ждана выбора нет. У разведчиков, слушающих каверзные частушки, доносящиеся от клуба, он тоже отсутствовал. Однако ехать вперед, в неизвестность, – это был не самый лучший вариант.

– Где эта дорога выходит на трассу?

– Ты кого спрашиваешь, командир? – усмехнулся Баскаков.

Майор вернулся к Жулину.

– Этой дороги на карте нет, – развел прапорщик руками. – Нет! Она отсутствует как таковая, потому что никому нет до этого дела. Ни геодезистам, ни председателю, ни Центральному комитету партии.

– Не будем винить Центральный комитет партии и председателю дочь, – пробурчал Стольников. – Сами в задницу заехали...

Прислушавшись к звукам, доносившимся от клуба, и бросив взгляд на уходящую в лес дорогу, майор двинулся к машине.

– Кстати, – бросил он через плечо, уже подбирая куртку, – пришло время поздравить молодых.

Пьяные голоса орали частушки все громче и громче, и когда Мамаев выключил зажигание, почти уткнувшись радиатором в крыльцо клуба, они уже грохотали, раздражая слух. Пить, это было очевидно, здесь было что, с закуской проблем также не наблюдалось, поэтому сельчане из пятидесят девятого года пили, ели, пели и плясали. Не все, конечно. Большая их

часть сидела по дворам и подсчитывала, во что обойдется праздник председателю погибающего колхоза...

«Победа» – с трудом прочитал Стольников название колхоза на табличке года эдак сорокового, и над вывеской: «Еще один петух откукарекал» – на листе ватмана. Эта вывеска была свежей.

На доброй свадьбе не бывает незваных гостей.

* * *

Председатель оказался не из интеллектуалов даже деревенского толка. Присутствующих он преувеличенно именовал «народом».

– Вона сколько доброго народу наехало!

Мутный самогон в дореволюционных штофах почему-то называл «беленькой».

– Или же вам, в связи со служебными обязанностями, красненькой? – В этом, по его мнению, заключалось различие состояния работника в выходной день от его состояния на службе.

А дочь свою, метнувшуюся к новым гостям, – «цыклетарем сельсовета», причем последнее звучало так, словно Стольникова и иже с ним знакомили не с визжащей прыщавой стервой с отсутствием разума в глазах, а с артисткой Любовью Орловой.

Молодая была высока ростом, худа, как Жанна перед сожжением, челюсть ее, украшенная двумя золотыми зубами, постоянно болталась от хохота, что с первого же мгновения знакомства с ней заставило майора поверить в переселение душ. Перед ним стояла молодая, совершенно не-управляемая лошадь.

Жених был невысок ростом, узок в плечах, на роль жокея подходил менее всего и зачем-то постоянно давил из себя, по-молодому неумело, улыбку. Саша и ему попытался найти подходящее сравнение и вскоре вспомнил, где подобные улыбки встречаются – чаще всего в зале суда, дабы успокоить родителей, сразу после объявления приговора. Во всей этой свадьбе чувствовалась какая-то плохо замаскированная фальшь, и вскоре Стольников догадался почему. Улыбка жениха, радостные прискоки молодой, очумевший от выпитого и ставший всем милым тещь, утонувшая в пляске свадьба с озорными похотливыми частушками – это самая настоящая липа. Улыбка была резиновой, прискоки со взлетающей на воздух фатой – истеричными, а счастье председателя – плохо скрытым желанием разбить будущему зятю морду. Стольников пригляделся в поисках ответа и скоро его обнаружил. Основная и единственная причина того, почему малец «откукарекал», крылась в слегка выступающем животе молодой.

– Совет да любовь, – скромно поздравил майор всех присутствующих, не обращая ни к кому конкретно. Выполнив таким образом свой человеческий долг, он по-свойски подобрал локоток папы невесты и повел его вон.

Последним из зала уходил Баскаков. На самом выходе он остановился, подумал о чем-то, после чего обернулся и с улыбкой Мефистофеля приглушенно крикнул: «Горько!» И пропал из виду, не желая видеть зрелища, к коему призывал.

– ...Я могу сам пойти!

– Нет, Семен Семенович, – мягко уговаривал его Стольников. – Не нужно таких жертв. Ценю вашу гражданскую позицию, но мне лучше увидеть того, кто ходит в лес, добывает дичь, возит из лесу дрова... Словом, знает эту местность как свои пять пальцев.

Этот короткий диалог состоялся сразу после просьбы майора подыскать человека, хорошо ориентирующегося в здешних местах.

– Да я!.. Да лучше меня!.. Я тут колхозы... – Председатель осекся, потому что даже сильное алкогольное опьянение не позволило ему сказать о том, что это именно он создавал в этом районе молодой Страны Советов первые колхозы. Плюс к этому по всему было видно, что в

лес за дровами он не ездит. Стольников уже начал догадываться, что новоиспеченный тесть не совсем понимает, о какой дороге речь. – Я сейчас беру ружье, и мы идем.

– Куда? – подал голос уже догадавшийся обо всем Жулин. Бестолковый разговор ему надоел, и прапорщик, чтобы быстрее направить командира в нужное русло, решил взять вожжи в свои руки.

– На кабана, конечно. – И два глаза председателя, похожие на дно стакана с недопитой «беленькой», вразной мигнули. – Вы не представляете... А, как говорится, рядом с селом проходит миграционная тропа кабана. Они идут на пастбища... К травке... К угожьям... Там егеря. Я сейчас их кликну.

Стольников положил ему руку на плечо:

– Семен Семенович, а кто живет в том доме, с красной крышей? Мужик лет пятидесяти пяти, с бородашкой куцей?

Руководителя колхоза «Победа» пришлось «прокачивать» еще добрых четверть часа. Он не то чтобы не хотел говорить правду. Он ее знал и готов был поделиться, но состояние его, отягощенное несоответствующим его весу самогоном, заставляло тестя то бросаться в зал, то плакать, вспоминая юность какой-то Нади – дочери, вероятно, то кричать: «Я не позволю!» – то подозрительно вглядываться в лицо Стольникова и говорить: «А вот вы... да, вы, товарищ, документы, как говорится, имеете?»

Очень трудно в пятьдесят девятом году рассказывать о НИИ, полковнике Ждане, Другой Чечне и временах, когда ракеты есть даже у корейцев. Поэтому приходилось постоянно уходить от прямых ответов и варьировать. Что, разумеется, не могло оставаться вне подозрений постоянно. Тем более что председатель трезвел с каждой минутой.

– Как-то странно вы одеты, товарищи из райкома, – внезапно обнаружил он. – Что за одежда такая смешная?

Сам он был одет в серый мешковатый, явно не по размеру костюм, брюки которого были заправлены в сапоги. Воротник его белой рубашки был выведен на лацканы пиджака и отличался гигантскими размерами.

– Да ты вроде тоже в прикиде не от Армани, – заметил Лоскутов, который уже терял терпение.

– Странные вы, товарищи. А я могу позвонить в райком?

Ситуация стала угрожающей. Нужно было имя проводника, председатель не по своей воле делал все возможное для того, чтобы Стольников его никогда не узнал.

– Нам бы на улицу, – как-то нехорошо проговорил Баскаков, ковыряясь в ухе какой-то бронзовой головы на такой же бронзовой подставке. Отливали ее, наверное, большим тиражом и руками не самого лучшего скульптора СССР, а потому суровое лицо со слепым, но пронзительным взглядом было одновременно похоже и на Тимирязева без его знаменитой ермолки, и на Калинина со снятыми пенсне, и на Дзержинского в не самые лучшие дни его пребывания в Петропавловской крепости.

– А-а... – завопил председатель, когда за клубом ему врезал по печени Ключников.

– Тебе решение райкома, значит, похер? – грозно молвил Айдаров, опустив руки в карманы. – Кулак? Отвечать! Кулак?

– Да что вы, товарищи!.. Я советский человек! Из бедняков...

Рядом стояла металлическая бочка, доверху наполненная дождевой водой. В нее-то и опустил председателя по пояс Ключ. Головой вниз...

Стольников с равнодушным взглядом и спокойно покуривавший прапорщик стояли метрах в десяти от действия и предупреждали попытки вываливающихся из клуба лиц разыскать внезапно выпавшего из праздника тестя, свекора, кума и свояка. «Он на минутку вышел в сельсовет», – пояснял майор, ничуть не стесняясь своей роли на шухере. Проблема на минуту

улаживалась, а потом, словно в непрекращающемся приступе дежавю, выходили все те же и спрашивали, где тесть, свекор и кум.

Через десять минут Ключников и его собеседник приблизились к машине. Председатель загнивающего колхоза «Победа» имел вид человека, который только что вышел из парной. Волосы влажны, тяжелое дыхание, усталая поступь. От опьянения остались лишь запах и внешний вид человека, выпившего не более ста граммов «красненькой».

– Я народ подниму, – неуверенно пообещал он.

– А я его положу, – сказал майор. – За контрреволюционный мятеж в период развитого социализма. И будет тебе свадьба с приданым, касатик.

Председатель ничего не понимал. Если товарищи из райкома, зачем бьют? Если бандиты, почему ничего не забирают?

– Вы, я вижу, уже в состоянии соображать, – заметил Саша. – А потому давайте знакомиться с самого начала. На вашу свадьбу пришли люди, отвечающие за безопасность будущего ваших внуков. Потому я вас спрашиваю: кто в деревне является лучшим знатоком этих мест вообще и вон той дороги, – он показал, – в частности?

Сказав это, Стольников вынул из кобуры «Гюрзу» и прижал ствол к голове председателя.

– А я разве не говорил?

– Нет.

– Ермолаич. Он живет вон в том доме с красной крышей. Пойдемте, я вас хоть с молодыми познакомлю...

– В другой раз.

Ермолаичу Стольников захотел оторвать воротник от фуфайки сразу же, едва вошел во двор. Это был тот самый мужик, с которым разведчики разговаривали на въезде в деревню. Формально Ермолаич был прав. Его никто не спрашивал о дороге, а на все остальные поставленные вопросы он ответил еще полчаса назад, с навозными вилами в руках. Но по существу выходило, что, если бы лучший в Гурьяново проводник соображал не как собака Павлова, а как здравомыслящий человек, это сэкономило бы группе майора тридцать минут.

Дорога, уходящая в лес вокруг Поверкиного пруда, была дорогой необычной. Она начиналась в деревне, но заканчивалась в лесу. Ровно через пять километров, то есть на том расстоянии, на котором председатель разрешал рубить для топки дрова. Тракт, наезженный сотнями тракторов, машин и подвод, упирался в лесоповал.

Кроме того, дорога имела несколько ответвлений, «потому как Стешкины, те, дураки, предпочитают осину, весь люд рубит березняк, а Хохленок, тот берет липу». По этой причине через четыре километра основной путь расходился в три стороны, «потому как каждому дураку ясно, что липа вместе с березой не цветет».

– Хорошо бы мы выглядели, углубившись в лес на четыре версты, – пробормотал Стольников, давя в себе неприязнь к Ермолаичу. – Как три богатыря на распутье. Я вот, к примеру, понятия не имею, какие дрова Ждан предпочитает.

– Товарищи, вы по какой линии будете? – вопросительно прищурился проводник. – Из лесничества?

– Из общества защиты диких животных.

– Вон оно как?

– Поведешь?

– Дык ить... Посмотри на двор, начальник. – Ермолаич повел грязным рукавом вдоль неплохо ухоженных и по-хозяйски прочно стоящих построек. – Все валится. А где денег на матерьял взять?

После этого председатель стал видеть некоторый резон в специфике общения неизвестных с отдельными представителями его малой родины.

– Да я тебя... – начал он, краснея от стыда за земляков.

– Что ты меня?! – взъярился дед. – В этом году какие-то суки корову зарезали, со стадом не вернулась – ты нашел?! Ты нашел?! Старуха чуть умом не тронулась!

– Это просто беспредел какой-то, – забормотал Стольников, проникая рукой куда-то под куртку и глядя на председателя. – Сами выделите товарищу корову и быка или мне письменно обращаться в райком партии с жалобой на председателя-оппортуниста?

– Товарищ!.. – заорал председатель. – Да что мы, сами проблему не решим?! Утром же получит и корову и быка!

– Я проверю... – Стольников посмотрел на председателя многозначительно и вынул руку из-за отворота.

– Слово коммуниста!

– Это дело. Старик, – он кивнул сельчанину, – поторапливайся!

Через двадцать минут, большая часть которых ушла на запуск стариковского трактора по кличке Трумэн, по дороге, ведущей в лес, двинулась странная процессия. Впереди шел грузовик «АМО», из капота которого, как из самовара, торчала дымящаяся несгоревшей соляжкой труба. Следом ехал «ЗИС». Процессия направлялась в лес. Поскольку подобного идиотизма никто из местных доселе не видел, посмотреть вышли все, включая свадебных гостей.

– Не бойсь, – увещевал перед стартом Ермолаич, – четыре километра все будет нормально, а вот перед развилкой его трахома обязательно встанет. Колея узкая, так что если решит обратно податься, то это только задницей. Или развернуть машину руками. Ту «Победу» придется бросить, это я тебе авторитетно заявляю... Зря я ружье не прихватил?

– А кого это ты имеешь в виду? – тихо проговорил Стольников.

– Да ладно, сам в Смерше служил... Военного преступника преследуете?

Стольников улыбнулся:

– Да ты, оказывается, свой человек?

– Я те вот что скажу, товарищ из КГБ... Этот, за которым вы гонитесь, он прихватил с собою двоих.

– Что?

Саша сидел в Трумэне рядом с проводником, грохот был отменный, поэтому ему показалось, что он не расслышал.

– Я говорю, – повысил голос мужик, – двоих он из села прихватил. В качестве проводников. Я их знаю. Один контуженый, в первые же дни войны списали по ранению, а второй, гад, в полицах под Винницей служил. У меня только пока доказательств нету. Сынок одного раскулаченного... Так вот, они с ним поехали, дорогу показывать.

– Значит, их уже трое...

– А чего этот, на «Победу», натворил? С немцами путался? Или с Америкой связался?

– И то и другое.

Саша увидел севшую на брюхо «Победу» ровно через полчаса. Дверь водительская и дверь задняя, правая, были распахнуты настежь, в замке зажигания торчал ключ. Соскочив с трактора и подбежав с «М16» к машине, майор осмотрел салон. Все стекла машины, включая и заднее, отсутствовали.

Труп хозяина машины был переселен из «Победы» в завершающий свой жизненный путь «Москвич» желтого цвета в самом начале погони, Саша это знал. Вот – мозги на стойках кузова, левом подголовнике и крыше салона слева. С этим все понятно, это останки того, кто был найден в багажнике под Войцеховкой.

– Их трое. Не исключено, что проводники вооружены. Ждан их чем-то взял, а это значит, что они ушли с ним сознательно и навсегда. Дед свидетельствует, что у одного темное прошлое. Поэтому стесняться они не будут. Здесь мы в безопасности, но как зайдем в чашу, ждите любой пакости.

Их дискуссию прервал короткий резкий звук. Им оказался свист меж редких желтых зубов, вырвавшийся только что изо рта Ермолаича.

– Туды подались! – кричал он Стольникову так, словно тот был глухой. И махал при этом в направлении Москвы, Новосибирска и Владивостока одновременно.

– А что там? – щелкнув зажигалкой, даже не прикрываясь – в лесу была тишь, словно на фотографии, – пробурчал майор. Он совершенно не был похож на человека, захваченного погоней. Или устал, или не видел перспектив.

– Вот человек! Садовая голова... – возмутился Ермолаич. – Говорю же тебе – лес. А километров через пятьдесят – трасса на Грозный. Только они туда не пойдут, если через наш сверток ехали.

– Это почему? – еще равнодушной спросил майор.

– До трассы два КПП, – пояснил проводник.

– Скажи-ка, любезный... – заговорил Лоскутов. – А волки или кабаны в лесу есть?

– А куда же они денутся? И волки есть, и секачи... Они сейчас лютуют. Волк в прицел лениво смотрит и от охотника с неохотцей отходит... Лето на исходе, осень скоро начнется, – высморкавшись, он потряс мелкой бородашкой. – Так-то.

– Смотри ты, как романтично, – саркастически ухмыльнулся Стольников. – «Волк от охотника с неохотцей отходит и в прицел смотрит с лентой...» Веди поскорее! Ты корову будешь отрабатывать или нет?

– Да я для вас!.. – И проводник решительно направился в чащу. – Догоним, не сомневайся, товарищ!

Мысли в голову Стольникова лезли разные, все больше о том, как неудобно идти и что будет через час, если старик вдруг встанет и начнет озираться по сторонам: «Кажись, не туда попали». Но Ермолаич двигался уверенно, как лосось к месту своего нереста. Изредка останавливался, смотрел на небо, туда, где за серой полупрозрачной органзой пряталось тусклое солнце, чертыхался и шел дальше.

– А ты почему так уверенно идешь? – спросил майор. – Может, они в другом направлении двинули?

– Был бы тот, из «Победы», один, я бы и не знал, куда он двинул. Ведут его местные. Это я так, похвалился, что лучше меня тут никто дороги не знает... Тут многие знают, а этот, про которого я тебе рассказывал, – так лучше всех.

Через пятнадцать минут проводник остановился и выдал:

– Правда он плохой человек или так, нашкодил?

– Убийца он, понял?

С недоверием поковырявшись палкой в траве, Ермолаич вынул из кармана пачку папирос.

– Минут через сорок нагоним. Ногу один из них повредил. Сначала еще след печатался, а сейчас вообще пропал. Второй несет его. Меня другое заботит... – продолжил он, попыхивая ароматным дымком. – Метров через триста тропа начнется.

– Думаешь, быстрее пойдут? – уточнил Стольников.

– Волчья тропа.

– Как?

– В угожьях мы, паря.

– В угожьях... – словно сомнамбула, повторил Лоскутов. – Это что, мать его, значит?

– Волк в пограничье меж этими месяцами бесстрашный, от голода непобедимым становится. В эту пору на серого одни доки ходят да чокнутые. Вот я и спрашивал: ружьишко-то надо брать али нет, – с презрением посмотрев на автоматические американские винтовки, он хитро посмотрел на верхушки осин. – С вашими перделками здесь только белок хохотать.

После этого сообщения даже Трумэн старика стал казаться необыкновенно уютным и милым. Жулин усмехнулся и незаметно снял винтовку с предохранителя.

– Одежа у вас прелюбопытная, – продолжал говорить, не глядя на разведчиков, проводник. – Обувка интересная. Об оружии вообще промолчу. Откуда вы на самом деле будете, ребятишки?

– Из будущего, старик.

Мужик посмотрел на Стольников, мизинцем стряхнул пепел с папиросы.

– Это понятно... И как там?

– Где?

– В будущем?

– Не поверишь...

– Конечно не поверю. – Проводник бросил окурочек и растоптал сапогом. – Ладно, пошли.

Почему-то вам больше верю, чем ему.

– Кому – ему? – переспросил Саша.

– Тому, что до вас был. Он ведь меня попросил вести его через лес. Да отказал я ему.

– Почему же? – ступая рядом с проводником, поинтересовался майор.

– Глаза у него пустые.

Еще через метров триста Стольников увидел то, что искал. И картина эта в мгновение ока заморозила кровь в его жилах. Впереди происходило нечто, что различить четко было трудно, однако звуки, доносящиеся оттуда, принуждали заткнуть уши, развернуться и удалиться подальше.

Появившиеся в руках разведчиков винтовки не были вызваны испугом. Сработала привычка, выработанная за долгие годы войны. А Ермолаич, презрительно именовавший автоматическое оружие «перделками», чуть отступил и теперь находился за спинами разведчиков.

Стольников, чувствуя на спине горячие потеки, а в душе леденящий холод, упрямо двинулся к страшному действию...

Глава 4

Шесть или семь волков, сбившись в круг мордами, к его центру, урчали, огрызались друг на друга и рвали морды к небу, отрывая от чего-то вязкие тянущиеся куски.

Один из серых, что чуть крупнее остальных, почувствовал на празднике жизни чужаков и оторвал морду от занятия. Медленно развернувшись, он встретился взглядом со Стольниковым. По спине майора прошелся холод, когда он увидел эти желтые, гепатитного цвета глаза и черную от крови морду... Еще мгновение, и волк снова принялся за трапезу...

«В прицел лениво смотрит...» – вспомнилось Саше. Ему хотелось слотнуть, но горло его, словно после недельного запоя, лишь терлось своими стенками и першило.

– Это же... человек...

Майор, услышав незнакомый ему голос, сначала повернул к Баскакову голову и лишь только потом посмотрел туда, куда указывал сержантский «Вал».

Один из живодеров, высокого задрал морду, поволок что-то из круга. Он не хотел этим делиться с остальными, полагая, что одному ему хватит вполне.

Вслед за ним, разматываясь и чуть паря, вытягивались сизые, в красных прожилках внутренности. Они тянулись бы ровно семь с половиной метров – ровно столько упрятано в чреве человека, однако другой хищник, понимая, что добыча вытягивается и уходит, рванул посередине и с рыком стал пятиться назад. Кишки разорвались, разделились и, кропя красным, стали утопать в пастях серых, с коричневатыми пятнами, чудовищ. Обе ленты становились все короче и короче, и было совершенно непонятно, как они помешаются и где.

Раздался короткий рык – и шмат, с приклеившимся клоком ткани, с треском отслоившись от костного ложа, ушел в сторону. И тут же стал предметом ожесточенной борьбы других волков...

И Стольников увидел глаза...

Они, безразличные ко всему, метались в ритме звериных рывков и с диким ужасом смотрели в небо.

– Господи... присно и во веки веков! – хрипел Ермолаич, дрожа руками, не в силах сдвинуться ни на метр.

Несколько секунд. Столько продолжалось короткое забытие всех, кто за этот отрезок времени предельно прочувствовал прелесть дикой природы и ее власть над хрупким человечеством. Природа мстила человеку за все, что он ей сделал и делать продолжает. Как этот, кто уже был разделен на десятки бесформенных кусков, исчезал в окровавленных пастях зверей, так и он когда-то равнодушно и с аппетитом хлебал борщ из быка, заваленного во дворе кувалдой и дорезанного пилой-ножовкой.

Стольников стряхнул с себя остатки ужаса, резко поднял руки, и именно в этот момент, словно ожидая этого, все пять или шесть чудовищ, присев, ринулись в стороны. Природа хитра и обманчива. Волк лениво глядит в прицел до тех пор, пока не видит на спуске палец...

Он не слышал выстрелов. Ни своих, ни чужих. Волки бросились в разные стороны, не испугавшись. Скорее, они играли свою роль творцов собственной безопасности. Отбежав на десяток метров каждый и дезориентировав таким образом людей, которые теперь в поисках их должны были вертеть головами и напрягаться, звери встали.

Прошло еще несколько секунд, пока не выяснилось, что двое из них чувствуют себя не совсем уверенно. Тот, в кого стрелял майор, стоял ровно и вдруг присел на задние лапы. Возвращение в прежнюю позицию вызвало у него затруднение. Но он все равно встал. И тут же рухнул обратно.

И вид его, с поджатыми от бессилия ушами и глазами, просящими сострадания, был жалок. А всего несколько мгновений назад он безжалостно рвал что-то под одеждой того, что еще совсем недавно называлось человеком.

Забеспокоилась и повела себя странно и цель Жулина. Видимо наевшись и решив, что теперь можно и удалиться, он развернулся и, поджав под брюхо лапу, заскакал в глубь леса. И только теперь стало видно, что нога его, переломившись на суставе, болтается не только по ходу движения сустава, но и в другие стороны.

Остальные крутанули восьмерку, каждый из кругов был метров по десять, слегка закружили головы людям и вернулись на прежние места. Один из серых, посмотрев на безоружного Ермолаича, презрительно отвернулся.

– Тварь, – спокойно прохрипел Стольников и, расчетливо разворачиваясь всем корпусом, всадил в него две пули.

Волки поняли опасность быстрее, чем в винтовку майора вошел новый магазин.

Круто развернувшись, они засеменили в глубь леса. Но все равно трижды разворачивались, словно убеждаясь – не вернуться ли да не порвать ли тех, кто отвоевал их пищу...

Убежал и хромой. Волк Стольникова рыл в агонии землю лапами, полз медленно, но полз. И за ним тянулся по сухой траве кровавый след. Саша приблизился и дважды нажал на спуск. Первый выстрел выбросил серое с подпалинами тело на метр и вырвал из пасти животного сумасшедший по высоте визг. Второй прибил к земле. Двоих, раненных разведчиками, добивали Лоскутов и Мамаев.

– Пресвятая Богородица, – сипел Ермолаич, пытаясь поднять выпавшую из рук его палку. – Они, твари, тропу сдвинули... В прошлом году на километр дальше была...

– В жизни не думал, что такое может происходить рядом с жилым местом, – беззвучно, как ему показалось, признался Ключников.

Стольников признался себе в другом. Он бы все отдал за то, чтобы узнать, куда ушли Ждан и второй его спутник. Куда ушли и почему не вызвали аппетита у волков. Даже как-то странно, что те оставили их в покое, занявшись всего одним. Когда есть возможность валить двух баранов, волки обычно валят двух.

– Может, мы успели только на второе блюдо?

Майор посмотрел на Айдарова: шутит – значит, все в порядке с парнем.

И они подошли к тому, над чем, захлебываясь и давясь от удовольствия, урчали волки.

Сейчас было трудно определить возраст и антропометрические данные. Скорее всего, это был тот, в перспективах которого сомневался проводник.

– Это фронтовик наш, Трошка... Все считали, что у него после контузии мозг сломался, – объяснил проводник. – Вот, значит, как жизнь кончил.

Так выглядит, наверное, чемодан с вещами, выброшенный с балкона женой неверного сердцееда: клочья ваты, обрывки брюк, лоскуты от рубашки... Разница заключалась лишь в том, что ревнивая жена в аффекте не станет рвать вещи суженого в клочья и пачкать их кетчупом. А сам неверный... Ему сейчас, наверное, можно было простить все. И бегство с войны, и симуляцию, и недобрые мысли, и что к Ждану в услужение подался. Он оказался прощеным в тот момент, когда почувствовал первую боль от вошедших в него клыков чудовищ.

– Я... если вдруг... – сказал Баскаков, как с перепоя с третьего раза попадая сигаретой в рот, – умирать когда буду... Я вспоминать не счастливые моменты начну, а эти минуты. До сих пор не верю, что стою здесь, меж двумя деревьями, в «натовских» ботинках, в пятьдесят девятом году, рядом с недоеденным человеком.

– Половина одиннадцатого. – Циферблат часов майора сверкнул перед глазами присутствующих и утонул в рукаве. – До наступления сумерек, то есть до того момента, когда увидеть что-то и принять за искомый предмет будет невозможно, около часа. Не будем терять времени.

Безмолвие длилось около десяти минут. Столько группа прошагала по начинающему темнеть лесу.

И вдруг...

Этот смех Стольникову показался сначала победным, и сердце его возликовало.

Когда смех повторился, он поймал в нем какие-то нотки, близкие к отчаянию. И тогда он, подняв взгляд на разведчиков, почувствовал тревогу.

Его тревога усилилась, когда он услышал смех в третий раз. Но было уже очевидно, что он не мог исходить ни от одного из тех, кто двигался рядом с ним по лесу. Они не только не смеялись, они не слышали ничего, кроме шороха и треска под своими ногами.

Озираясь как вор, он бросил взгляд на пару серых волков, застывших на пригорке. Уж не они ли хохочут над его глупостью? Сейчас один из них, чувствуя приятную металлическую тяжесть в желудке, ухмыляется и ждет, когда обескураженный следователь уберется прочь и можно будет спокойно доест свой обед.

Что, слышалось?

Выпрямившись и выслушав благодарность от беззвучно застонавших ног, Стольников провел ладонью по лбу, наклонился и напил из ручья. Присели рядом и бойцы.

И когда он, уже стирая с лица влагу, собирался идти дальше, услышал смех снова. Но теперь, готовый к нему и ожидавший его, майор среагировал уверенно и решительно.

Падая на спину, он выхватил из кармана пистолет и, когда спина его еще не успела коснуться наста, выбросил руки над собой, снимая оружие с предохранителя.

– Ломом... Ломом подметает!.. – заметив реакцию на свой смех, человек указывал на Ермолаича, ходящего по кругу и водящего по траве палкой. – Он ломом подметает!

Вся группа смотрела наверх. На то, что являлось целью командира. Прямо над Стольниковым они увидели нечто, что заставило их вскинуть винтовки и прицелиться.

– Черт меня подери... – смог только вымолвить Жулин.

– Руки, руки мне покажи! – кричал Айдаров. – Руки, сволочь!..

В кроне осины над районом вынужденного привала сидел человек. Поджав под себя полы черной телогрейки, он трясся от смеха, показывал пальцем на Ермолаича, и веселью его, казалось, не будет предела.

За годы службы Стольников научился отличать сумасшествие мнимое от истинного без участия специалистов по психиатрии. Понаблюдав за поведением человека всего с минуту, он мог с уверенностью сказать, имеет он дело с помешанным или тем, кто старательно стремится быть похожим на него. И сейчас Саша с решительной уверенностью мог заявить, что живое существо, взобравшееся на дерево, – сошедший с ума человек.

Он оказался среднего роста, лет около сорока на вид, с короткой прической с явными нитями седины. Эти щетинки белесого цвета, редкие, как штучные волоски на старой норке, виднелись по всему массиву довольно густой прически. Безумный взгляд и слюна в уголках губ свидетельствовали, что этот человек либо родился невменяемым, либо пережил недавно нечто, что заставило его отказаться от удовольствия воспринимать действительность здравым рассудком.

«ТТ» без единого патрона в магазине и с затвором, откинутым назад, нашли неподалеку. Отстреливался верхолаз до последнего патрона, а когда пришлось выбирать между своей жизнью и спасением товарища, выбрал первое. Но, избежав смерти, он не смог избежать ее видения, и Стольников был уверен, что мужчина двинулся рассудком не от боли за друга, а от навязчивой мысли о событиях, которые могли наступить, окажись он менее проворным.

– Кажется, спрашивать тебя о Ждане бессмысленно, верно? – с ожесточением в голосе бросил мимоходом майор. – И что нам теперь делать? – Это было обращено уже к разведчикам. – Полковник может находиться в ста метрах от нас, а мог уйти на километр. Что прикажете делать, я вас спрашиваю?

Никто не хотел отвечать. Вопрос носил риторический характер. Было ясно одно: следует продолжать поиск.

Ситуация стала походить на безвыходную.

Небо начинало хмуриться, как ребенок перед сном. До полной темноты оставалось около получаса. И вдруг случилось то, что избавило майора от необходимости возвращаться в деревню с беспомощным сумасшедшим. Когда раздался крик, он поначалу даже не понял, что происходит, хотя сидел лицом к спасенному. И лишь когда его окатило холодом от страха за Мамаева, Саша вскочил и рванул из кобуры пистолет.

Вернувшийся с фронта с поврежденным рассудком и взятый Жданом в проводящие парень вскочил и, ухватив рукоять ножа Мамаева, рванул на себя. И тут же, перехватив лезвием к себе для удара, коршуном бросился на разведчика...

Майор опоздал с выстрелом на какие-то сотые доли секунды. Выхватив свою «Гюрзу», Жулин повалил сумасшедшего на землю. Смерть застала сельчанина в фазе полета.

Ермолаич молча подошел к сосне, заляпанной мозгами земляка, и перекрестился.

– Эта смерть все менее страшная, чем от волков, – сказал и направился в лес.

Стольников не возражал. Нужно было выходить из этой чащи. Впервые, находясь в лесу, он испытывал чувство необъяснимого волнения. Немного подумав, он понял, что это волнение называется страхом.

– Ермолаич, – кривясь от усталости, Ключников раздвигал ветви руками и шел рядом с проводником, – а Ермолаич?

– Ну чего тебе, суета?

– Расскажи мне, как мужики в этот лес на машинах и конях за дровами ездят. Я так и не понял.

– На машинах, милый, сюда не ездят. Ездят на тракторах, которым по хрену, где разворачиваться, и на подводах, – чересчур разговорчивый сельчанин всю вторую часть дороги прошагал молча и даже отказал себе в удовольствии материться, что было обычным явлением в его повседневной жизни. После встречи с волками он напоминал молчаливого философа.

– А коням тоже по хрену, где разворачиваться? Что-то я не заметил там круговых следов от повозок.

– Сани, товарищ, разворачиваются руками. А конь без саней – ему по барабану: поставишь к лесу задом, он задом станет. Передом – он тоже возмущаться не будет. Как ты с такой головой в КГБ служишь?

– Где?! – удивился Ключ.

– Да ладно, не ломай комедь. Старшой все рассказал.

Ключников сбавил ход и оттянулся влево, где шел, переступая через поваленный сухой, майор.

– Командир, мы уже в КГБ работаем?

– А ты хотел, чтобы я ему сказал, что туристы?

Ночь окончательно завладела Чечней...

– Ну, вот и конец нашего странствия, – объявил, опираясь на палку, Ермолаич. От души прокашлявшись, он вынул из кармана папиросы.

– Уж не знаю, как тебя благодарить, человечисе, – признался Стольников.

– Ты меня уже отблагодарил. Коровой и быком. А вот на память оставишь чего – сам тебе спасибо скажу.

– Да что же тебе оставить? – растерялся Саша.

– Что-нибудь оттуда.

– Оттуда?

Разведчики приблизились.

– Чудеса бывают, – тихо проговорил Ермолаич. – Вот, когда война началась, должен был я жениться. Любил девку до беспамятства. Через неделю свадьба – а тут война. Так и пошел на фронт, неженатый. А она мне: «Ждать буду, ждать буду!» Все думали, война месяц тянуться будет, не больше. А оно вишь как закрутило... Четыре года. Ну ты сам посуди, кто четыре года ждать будет? А вернулся из Берлина, и что ты думаешь?

– А что? – улыбнулся Саша.

– Девкой оказалась!

Бойцы рассмеялись.

– Это потому, что тебе, старик, цены нет, – объяснил Жулин.

– Цена у всякого человека есть, – возразил тот. – Просто ее понять нужно. Ну, так как там, в будущем-то? Немцы снова борщить не начинают?

Наступила неуютная пауза. Издевается старик или и вправду поверил?

– Немцы в порядке.

– После Хрущева-то кто будет?

– Брежнев.

– Брежнев? Читал. Он в ЦеКа. А сколько еще Хрущеву рулить?

– Да три неполных года, считай.

– Пойдет. Ну, бывайте, люди добрые. Желаю вам найти всех, кого ищете.

Ключников подошел, снял с руки «Тиссо», купленные в Швейцарии, и протянул проводнику:

– На память.

Тот принял бережно, но без восторга, с деревенской учтивостью и самоуважением.

– Спасибо, парень. Ну, с богом! Идите прямо через лес на луну, там и увидите дорогу на Грозный.

– А это что же за дорога?

– Это объездная, она приведет в тупик. Лес тут в тридцатые рубили каторжные, собирались железную дорогу строить. Да не случилось.

Махнув, Ермолаич исчез в темноте.

* * *

Первое, что хотел сделать Ждан, когда понял, что волки им не интересуются, – это выйти из проклятого леса, найти вокзал, сесть на ближайший поезд и умчаться подальше, ни о чем не думая, отсидеться, привести мысли в порядок и уже потом решить, что делать. Мысли потом придут сами, когда пройдет эта ужасная боль в руке. А сейчас – идти...

К утру он набрел на странной формы домик. Двухэтажный, он темнел в голубой дымке рассвета, как в кино про Сонную лощину. Осторожно приблизившись и заглянув в окна, полковник убедился, что домик пуст. Дверь была заперта известным всем туристам способом – посредством палки. Решив палку не трогать, Ждан прокрался к окну, поддел створку лезвием ножа и распахнул. Осмотрелся еще раз и завалил свое грузное тело внутрь. Так же осторожно, стараясь не сбивать пыль со стекол, прикрыл окно и скинул рюкзак.

Все внутри свидетельствовало о долгом отсутствии людей.

Поднявшись на второй этаж, Ждан осторожно приблизился к окну и стал оценивать свою диспозицию сверху. Поблизости от дома полковник не заметил ничего подозрительного. Однако чувство успокоения не приходило. Дом стоял на большой поляне, так что пространство вокруг него хорошо просматривалось. Наезженная колея на опушке уходила влево и утопала в лесу. Любой транспорт, появившийся на дороге – гужевой или автомобильный, – тут же привлек бы его внимание.

В том, что его ищут уже не только разведчики, полковник был уверен. Слишком много ему пришлось наследить. Чечня пятьдесят девятого ничем не отличалась от Чечни две тысячи двенадцатого. И кровную месть еще никто не отменял. Поэтому Ждан ощущал себя загнанным на дерево беглецом. Вспомнив, как пытался спастись от волков один из сельчан, Ждан поежился.

Первыми у дома появились не Стольников и его люди. Мотоцикл иностранного производства, протарахтев, как стая ворон, вылетел по дороге на поляну и помчался к дому. Ждан хорошо видел двоих в милицейской форме. В руках одного он заметил «ППШ», второй имел на поясе кобуру с «ТТ».

«Может, не на след вышли, а просто ищут свидетелей для опроса?» – попытался успокоить себя полковник. Однако успокоение не приходило. Любой вошедший в этот дом милиционер первым делом потребует документы – с этого все начнется, этим и закончится. О присутствии в районе незнакомца слух уже давно разошелся. И все бы ничего, но любую встречу с местными Ждан заканчивал выстрелом или ударом ножа. Здесь живут горцы, а к горцам нельзя приходить, имея целью убийство. Горцы напоят, накормят и спать уложат. Могут еще спеть тебе и дать в дорогу кислого молока. Но если ты направил в их сторону оружие, можешь не сомневаться: жить тебе осталось недолго.

– Ну, это мы еще посмотрим... – прошептал Ждан, глядя в окно и наблюдая, как спешиваются милиционеры.

Нужно дождаться вечера. В том, что нужно покидать дом и срочно скрываться, он уже не сомневался. Бежать подальше из этой богом проклятой области! Тени прошлого снова стали кружить над его головой.

Приехавшие словно пустили корни на поляне. Они и в дом не входили, и не уезжали. Несмотря на то что в планы полковника не входило путешествие по лесу среди бела дня, эти двое стали его раздражать. Какого черта они не убираются прочь? Уже ясно, что уверены в отсутствии людей в доме (Ждан похвалил себя за то, что не тронул палку у входной двери), тогда что им нужно?

В начале одиннадцатого утра Ждан получил ответ на этот вопрос. Он увидел приближающийся к опушке леса «Мерседес» середины тридцатых. Машина была помята, утратила блеск, но была на ходу и ревела не как заправленная неочищенным бензином «Победа». Ментальность русского человека мгновенно дала ему основания предположить, что приближается власть. «Мерседес», да еще – черный! Наблюдая, куда направятся появившиеся из него люди, он прижался к выступу подоконника подбородком. Автомобиль, сбросив скорость, потерялся из поля его зрения. Но по тому, как пришли в движение менты у мотоцикла, полковник догадался, что машина остановилась сразу за углом. Вероятно, водитель просто нашел тень.

Ждан продолжал следить.

– Ну, и что дальше?... – пробормотал он.

Если те двое вызвали подмогу, значит, у них есть подозрение, что дом не пуст. Худшее, что сейчас ожидал Ждан, было проникновение вновь прибывших внутрь его жилища для подтверждения этого подозрения. Он хотел было уже отвернуться, как вновь заметил, что мотоциклисты пришли в движение. Сели на свои места, водитель лягнул ногой, и на поляне раздался треск мотоциклетного движка. Выходит, около этого дома теперь выставлен сменный пост? Уехали одни – приехали другие?

– Гнусные делишки... – Убрав от окна лицо, полковник стал спускаться вниз.

Увиденное им позволяло сделать вывод, что направление его движения уже просчитано местными властями, и теперь их ошибка заключается лишь в том, что они ждут появления Ждана, в то время как он уже давно в доме.

Поняв это, полковник немного расслабился. В любом случае если в дом кто-то войдет, то появится он не с мыслью проверить, а, скажем, за спичками, не ожидая ни с кем встречи.

Сумка, которую он забрал из «Победы» – сумка убитого им хозяина машины, – по-прежнему стояла там, где он ее оставил: на стуле, в кухне. Смахнув ее, Ждан спустился в подвал. Глядя, где и что находится, он стал шарить по полкам. Выбрав несколько банок мясных консервов, спички и туристический топорик, он сложил все в сумку. Вернувшись на второй этаж, снял с вешалки в шкафу пару рубашек и свитер... Тот, кто жил в этом домике – лесник, по всей видимости, – был одного с ним роста и комплекции. По мере продвижения по дому сумка стала приобретать объемный вид. Убедившись, что больше нет ничего, что могло бы помочь ему в лесу, Ждан бросил сумку на прежнее место. Теперь оставалось дожидаться темноты. Не исключено, что с ее приходом те, кто за ним охотится, подтянутся ближе к дому. Они будут следить за каждой мелькнувшей в окнах тенью. Не отрываясь от черных квадратов стекла, будут терпеливо ждать, когда блеснет огонек или луч фонарика. И едва произойдет то, чего они ожидают, они начнут штурм. Но Ждан не даст им ни малейшего шанса. Те, что в засаде, даже не догадываются о том, что полковник ночью, не зажигая спичек и не щелкая фонарем, тихо спустится в подвал, откроет одну из створок люка и выберется наружу со стороны леса. Пусть ждут.

Впрочем, он был уверен, что его появления представители местной власти ждут не в доме, а вне его.

А еще он подумал, что кроме милиции его ищет группа Стольниково. Если они тоже оказались в пятьдесят девятом году, то нет сомнений: майор уже напал на след полковника. Сделать это было нетрудно – уходя, Ждан оставлял кровь. И если майор ведет всю группу уже в пятьдесят девятом году, то что случится, если он выйдет на этот дом и встретится с местными милиционерами?

Нужно было как-то убивать время. Ждан убивал его, думая об этом и читая газеты.

«16 февраля. Фидель Кастро Рус вступил на пост премьер-министра Кубы».

Закрыв глаза, Ждан подумал о том, как далеко забрался. Он сейчас старше Фиделя.

Около четырех часов вечера раздался звук, заставивший его встать из кресла, стереть с лица дремоту и подойти к окну. Кто-то завел двигатель «Мерседеса».

Увидев отъезжающую машину, Ждан оживился. Точнее, он увидел сначала не машину, а столб пыли, поднятый ее колесами. Поначалу, подумав о том, что сыщики все-таки решили проверить дом, он сжался, но когда увидел направление, в котором удалялся пыльный туман, успокоился. Вскоре показалась и сама машина. Она на максимально возможной для этой разбитой тачки скорости уходила в сторону леса.

– Шанс? – буркнул полковник.

Быстро спустившись вниз, он схватил за лямки сумку и, подумав, отошел от двери. Он опять едва не совершил ошибку. Если преследователи вернуться, они тотчас обнаружат следы на пыльном крыльце. Не мешкая ни секунды, Ждан направился к люку, расположенному на тыльной стороне дома. Он обнаружил его днем, путешествуя по дому и изучая возможные пути бегства в случае непредвиденных обстоятельств. Он до сих пор не мог объяснить предназначение этого люка. В конце концов пришел к выводу, что если появится медведь, то этот люк – самый реальный шанс выйти из дома.

Спустившись в подвал, Ждан переложил топорик из сумки за ремень и осторожно отворил обе створки. До сих пор он ничем не выдал своего присутствия в доме. Ментов он не боялся, они уехали. Но они могут явиться в любой момент, едва кто-нибудь обнаружит его присутствие. Какой-нибудь охотник, например.

Он отворил створку люка, осмотрелся и выбрался из подвала, как из танка. Оказавшись на ногах, полковник хотел уже вернуть створки на прежнее место, но не успел даже наклониться...

– Замечательно, – услышал он со спины. – А теперь даже не шевелимся.

Очень тяжело выполнить такое требование. Особенно когда стоишь в позе борца сумо. Голос звучал всего в двух шагах, и, если ориентироваться по тембру его звучания, он принадлежал двадцатипятилетнему парню.

– На колени! – послышалась следующая команда. – Держи руки так, чтобы я их постоянно видел!

– Вы же уехали, мать вашу? – не выдержал Ждан.

Он знал ответ. Оставив одного милиционера в засаде, оставшиеся решили нарисовать петлю и вернуться. Значит, он все-таки совершил ошибку, находясь в доме...

– Как вы догадались?

– Вещи на подоконниках не нужно трогать, если прядешься.

Ждан вспомнил, как ближе к обеду прокрался к окну и отодвинул в сторону лампу «Летучая мышь», чтобы не мешала смотреть. Она стояла на краю подоконника, а он переместил ее к центру.

– У вас, я вижу, методы не меняются, – в бешенстве процедил полковник.

Стиснув зубы, Ждан встал сначала на одно колено, потом на второе. Ярость от собственной глупости едва не заставила его зарычать. Неужели все рухнуло?! Вся жизнь закончится тем, что его пленит какой-то сопляк?!

Сзади раздалось металлическое клацанье. Не нужно было быть провидцем, чтобы понять – это наручники. И что теперь? Его закуют в кандалы и повезут, как Степку Разина, четвертовать в Грозный?! Но сначала, конечно, в КГБ. И кто испортит жизнь Ждана? Этот герой-одиночка?..

Полковник почувствовал, как тот, что был за спиной, схватил рукой его ладонь. Сейчас на запястье щелкнет первый наручник...

Коля Власов, старший лейтенант милиции, после отъезда коллег остался у дома подозреваемого. Придя в уголовный розыск из дивизии морской пехоты, дислоцирующейся во Владивостоке, он быстро занял свою нишу в милиции. Вскоре все перестали обращать внимание на то, что он бывший военный. Об этом вспоминалось лишь тогда, когда женщины УВДТ на День Советской Армии уделяли ему гораздо больше внимания, нежели остальным. Возможно, свою роль играла внешняя привлекательность и внутреннее обаяние. Как бы то ни было, Николай считался в милиции человеком исполнительным и личностью незаурядной. Об этом знали не только в его ведомстве. Старший лейтенант вот уже несколько часов находился в состоянии сомнений. Привыкший неразрешимые задачи решать превентивными методами, он никак не мог взять в толк решение начальства торчать у этого дома. Тот факт, что домик стоит на единственно верном направлении к Грозному, не является основанием сидеть здесь сутки. Но потом вдруг он заметил фокус с лампой. И начальник сказал: ждать. Но Власову казалось, что гораздо проще разбить окно и проникнуть внутрь. Однако понимал, что ему, неполных два года отработавшему в милиции, не пристало давать советы бывалым, которые раскручивают сложные дела, как бабушкин моток ниток. Надо стоять – значит, будем стоять. Но потом начальник велел ему остаться. Ненадолго. На десять минут. Ровно столько нужно, чтобы «Мерседес» проехал по дороге, замкнув кольцо. Если лампа на окне действительно перемещалась, значит, в доме кто-то есть. Отъезд машины беглец воспримет как предложение выйти. Так и случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.